

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Международной научно-практической
конференции молодых ученых**

**«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
XXI СТОЛЕТИЯ.**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
посвященной 25-летию со дня основания
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилёва**

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

СБОРНИК СТАТЕЙ
Международной научно-практической
конференции молодых ученых
«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ
XXI СТОЛЕТИЯ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

УДК 80/81

ББК 81.2

Н90

Рецензенты: И. Любоха-Круглик - д.ф.н., профессор (Польша)
Л.Е. Беженару - д.ф.н., профессор (Румыния)

Под общ. ред. - д.ф.н., проф. К.Р.Нургали

Члены редколлегии: д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, к.ф.н., проф. Мукажанова Л.Г., маг. Азкенова Ж.К.

Н-90 «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25-26 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). / Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали. – Нур-Султан: ЕНУ, им.Л.Н. Гумилёва, 2021. – 591 с.

IBSN 978-601-337-505-2

Данный сборник статей состоит из материалов, представленных на юбилейной Международной научно-практической конференции «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки» (25-25 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). Доклады участников этого научного форума представляют собой результаты исследований молодых ученых по литературоведческим и лингвистическим проблемам, а также вопросам современных методик анализа литературных произведений, переводоведения, образования в условиях пандемии. Многоаспектность тем выступлений – свидетельство интересов современных студентов, которые отличаются широким кругозором и высокой научно-методической подготовкой к научным исследованиям.

Участники данной конференции представляют вузы, которые являются многолетними партнёрами по международному академическому сотрудничеству. Так, перед широкой аудиторией выступили студенты, магистранты, докторанты и аспиранты вузов Казахстана, Российской Федерации (г.Москва, г. Казань, г. Таганрог, г. Ставрополь), Польши (г.Катовице), Румынии (г.Яссы), Турции (г. Анкара) и др.

Данный сборник может быть рекомендован обучающимся образовательных программ по филологическим и педагогическим направлениям.

IBSN 978-601-337-505-2

УДК 80/81

ББК 81.2

©ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2021

У секция
«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ТЕКСТА»

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЛИЯНИЕ А.П. ЧЕХОВА НА М.О. АУЭЗОВА

Сиряченко В.В.
докторант 1 года обучения
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан
vikalife020894@gmail.com

Научный руководитель – Нурғали К.Р.
д.ф.н., профессор
nurgalik1@mail.ru

Мухтар Омарханович в своей статье «Светлая вершина русской литературы» отмечает, что традицию обращения казахских писателей к русской литературе зародил еще великий Абай. С тех пор русская литература становится своего рода «академией» — «все литераторы советского Востока, да и вообще всех народов мира, у которых художественно-творческая культура письменной литературы приобретает все новые качества, обогащаются благодаря восприятию всего того передового, что есть в традициях мировой классической литературы, в центре которой высится великая наставница — русская литература» [1, с. 11]. С особым трепетом и восторгом в рамках указанной статьи отзывается казахский писатель об А.П. Чехове, в его представлениях именно Чехов является «великим миром, особой притягательной силы» [1, с. 11].

Мухтар Омарханович отмечает, что у Чехова трудно учиться, ведь «это художник особой палитры, многокрасочного, неярко, но необычайно богатого колорита, у которого тональность душевных состояний, людских отношений не резка, не ярка, но тем более ощутительна в нем и легкая ирония, и мягкий юмор, и сочувствие к человеку, где любовь, грусть, печаль волнения о всяческих неустроенностях русского человека, народа находили в его душе горячий отзвук, будили веру в новые силы общества» [1, с. 11]. Отсюда мы можем сделать вывод, что произведения А.П. Чехова глубоко интересовали М. Ауэзова. Изучая их на языке оригинала, осуществляя их перевод на казахский язык, писатель черпает вдохновение и создает свои собственные произведения. Как отмечает в своей статье Ш.К. Сатпаева: «Образцово перевел М. Ауэзов рассказ Чехова «Белолобый». Перевод мастерски передает не только содержание, но и стиль оригинала» [2, с. 405]. И влияние этого особого чеховского стиля можно отметить в повести М. Ауэзова «Көксерек».

Конечно, традиция обращение к анималистическим образам в казахской литературе зародилась за долго до знакомства казахских писателей с творчеством Чехова. В целом анималистическая тематика в художественной литературе является общечеловеческой и интернациональной. Анималистические персонажи в казахской художественной литературе разнообразны и представлены, как

домашними животными, так и дикими. И каждое животное выполняет свою определенную идейно-эстетическую функцию. В своей книге Н.М. Джусупов пишет: «...волк является важной составляющей культурной памяти и менталитета казахского народа» [3, с. 125]. Поэтому обращение к данному персонажу достаточно часто можно увидеть у казахских прозаиков.

Однако, повесть «Көксерек» отличает глубокое проникновение в психологию волка, писатель старается объяснить мотивы его поведения и поступков, параллельно с изображением его истиной животной сущности. И здесь нельзя не отметить глубокое влияние рассказов А.П. Чехова «Белолобый» и «Волк». М.О. Ауэзов пишет по этому поводу следующее: «Повесть-рассказ «Серый лютый» написана в том же ряду, что и рассказы Джека Лондона, Чехова, Толстого в том смысле, что я тоже пытался показать «психологию» повадков животного» [4, с. 1].

Схожим у авторов является стиль повествования. И у Чехова, и у Ауэзова оно ведется от третьего лица, но читатель как бы видит окружающий мир глазами волка («Көксерек») и волчицы («Белолобый»). Дикий зверь у писателей помимо прочего наделен умом, в его поступках прослеживается логика. Так у Чехова: «Волчиха *помнила*, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки, и когда она не так давно пробежала мимо, то ей *послышалось*, будто в хлеву блекли. И теперь, подходя к зимовью, она *сообразжала*, что уже март и, судя по времени, в хлеву должны быть ягнята непременно» [5, с. 18]. Множество свидетельств «ума» и «сообразительности» волка можно найти и в повести Ауэзова, это приводит к тому, что среди людей близ окрестных аулов, где разворачивается действие, распространяется мнение о том, что Серый Лютый на самом деле оборотень. Сложно людям принять то, что зверь может быть настолько умен и хитер, что даже человек не в силах с ним справиться.

Л.Ф. Миронюк отмечает, что «в произведениях Чехова животные (как и природа в целом) обретают «свой самостоятельный голос», как правило, осуждающий человеческие поступки» [6, с. 14]. Хорошим примером может послужить описание предсмертного взгляда хищника на Нилова в рассказе «Волк»: «В глазах светилась луна, но не видно было ничего, похожего на злобу; они плакали и походили на человеческие» [7, с. 210]. В повести Ауэзова у волка также есть основания осуждать человека за его поступки. Люди дважды истребляют семью Серого Лютого, все кроме Курмаша, мальчика приютившего волчонка, относятся к нему с презрением и жесткостью.

Однако «мир животных в рассказах А.П. Чехова гармоничнее человеческого: в произведении «Белолобый» волчица-мать не смогла причинить боль маленькому щенку, которого украла из хлева, спутав с ягнёнком» [8, с. 14], даже несмотря на дикий голод. У Ауэзова же животный мир также жесток, как и человеческий – Серый Лютый убивает Курмаша: «Көксерек ырылдап тұрып, тісінің ұшымен қағып жұлып алып, басын шайқап өткенде, баланың бір жақ көзін қопарып алып кетті. Жүріп бара жатып, қылғып салды...» [9, с. 26] (пер. А. Пантиелев - «Мальчик был уже мертв, когда волк вихрем пронесся над ним и с ходу распорол ему изогнутым клыком щеку» [4, с. 25] - *глаз заменен переводчиком на щеку* – примеч. авт.). Тем самым, автор окончательно разрывает связь между мальчиком и волком и

показывает читателю, что смерть Серого Лютого неизбежна: «Курмаш излишне поверил в волчью привязанность к нему, что и привело обоих к гибели» [10, с. 159].

Несмотря на общее стремление авторов показать психологию поведений животного, эмоции, которые испытывает читатель от рассказа Чехова «Белолобый» отличаются от тех, которые возникают при чтении повести Ауэзова. Так как Чехов использует менее развернутый жанр – рассказ, читатель видит лишь один случай из жизни опасного жестокого зверя. Однако писателю удается сжато и лаконично продемонстрировать в образе своей волчицы проявление доброты – исконно человеческого чувства. При этом зверь подавляет свои животные инстинкты, которые заложены в него природой. У Ауэзова напротив, в повести волк «олицетворяет естественность природы. Он стоит вне человеческих моральных категорий добра и зла, и поэтому его нельзя судить по человеческим меркам» [10, с. 159]. Однако читателю тяжело удержаться от нравственной оценки поступка волка и поэтому смерть становится справедливым возмездием, ведь нет пощады предательству и жестокости. В своей диссертации Г.А. Алтаева пишет: «Рассказ М. Ауэзова отличает глубинное философское содержание, поднимающее его до уровня философской саги. Именно это выделяет его рассказ и ставит в один ряд с прозаическими шедеврами мирового значения» [11, с. 113].

Также оба писателя в своих произведениях изображают отношение волка к другим животным. Например, к домашнему скоту, который и Көксерек, и чеховская волчица воспринимают, лишь как добычу. Более глубоко показаны в произведениях отношения между волком и собакой. И если волчица у Чехова с жалостью и интересом наблюдает за маленьким щенком, то у Ауэзова «лютая ненависть к собакам, даже большая, чем к людям, пронизывает Серого Лютого» [10, с. 158]. В целом в анималистической прозе образ собаки является символом верности и преданности. У Ауэзова таким символом становится волкодав Аққасқа, схватка с которым становится для Серого Лютого смертельной. Образ невероятно преданной собаки также раскрывается и в рассказе А. П. Чехова «Каштанка».

Интересно то, что в рассказе «Белолобый» и в повести «Көксерек» авторы используют анималистические заглавия. Р.М. Иманкулова пишет: «Анималистические заглавия – неотъемлемая примета значительного корпуса ранних чеховских рассказов, выступающая в качестве ключа-кода к их содержанию и поэтике» [12, с. 145]. Это определение в значительной степени справедливо отнести и к повести М. Ауэзова – Көксерек – это «ключ» ко всей повести автора. В указанных произведениях также оба писателя в кличку собак закладывают описание их внешнего облика – «Белолобый» и «Аққасқа» («белозвездный» -перев. А. Пантиелев). В книге «Сопоставительная грамматика русского и казахского языков: Морфология» авторы отмечают: «...в казахском, как и русском языке, встречаются клички собак по внешним признакам животного, например: Аққасқа буквально: Белолобый...» [13, с. 210].

В целом обращение к животным образам характеризует писателей, как истинных гуманистов, ведь еще М. Эпштейн писал, что «образы животных в литературе – это своего рода зеркало гуманистического самосознания» [14, с. 34]. Сам Мухтар Ауэзов высоко оценивает гуманизм чеховских произведений:

«Светлый чеховский гуманизм, внимание к судьбам «обыкновенного» человека насыщали его рассказы живым человеческим теплом» [1, с. 12].

У Чехова и Ауэзова изобразительность становится важным средством раскрытия внутреннего мира героев. Пейзаж помогает писателям выполнять указанную изобразительную функцию. М.Ауэзов отмечает мастерство А. Чехова в изображении природы: «С волшебным мастерством, только ему присущим, он поет о русской природе, неповторимо сочетая поэтичность пейзажей с философско-психологическим обрамлением. Тонкий аромат чеховской «Степи» пронизал всю русскую литературу...» [1, с. 12]. В свою очередь советский литературовед современник Ауэзова И.Л. Андроников отзывается в подобном ключе о самом казахском писателе: «К циклу о прошлом относятся подлинные шедевры прозы писателя, полные сурового реализма в описании степи — рассказы «Серый Лютый» (1929) <...> События разворачиваются на фоне живописной природы, которая словно оживает под пером автора» [15]. Необходимо также отметить, что оба писателя в своих художественных произведениях о животных с особой тщательностью и внимательностью изображают их характерные особенности и среду обитания, что позволяет сделать вывод о том, что они были истинными знатоками природы родного края.

Хорошим подтверждением того, что в своих произведениях Чехов и Ауэзов затрагивают общие мотивы, раскрывают близкие друг другу тематики, становится схема преподавания произведений Чехова в казахской школе. С.Х. Габбасова в своей статье пишет, что для детей, чей уровень знания русского языка не высок, учитель на первом этапе выбирает рассказы «Ванька», «Спать хочется» и «Анна на шее»: «Это объясняется тем, что учащиеся хорошо знакомы с рассказами «Сирота» и «Сиротская доля» классика казахской литературы М.О. Ауэзова. Урок строится на интерпретации темы детства в русской и казахской литературе. Выявляются общие черты произведений и образов (жизнь детей, отсутствие любви в их жизни, унижения, которые испытывают они, уязвимость их в обществе, полное сиротство Ваньки и Касыма, потеря отца у Варьки и Газизы)» [16, с. 42].

В один ряд произведения Чехова и Ауэзова ставит академик Р.Н. Нургалиев: «Осы орайда жазылатын әңгіме – дүниежүзілік әдебиетте айрықша дамыған, тарихи терең, мүмкіндігі мол жанр. Оған ерекше әсер еткен, нәр беріп байытқан өмірлік аналар өте көп. <...> А. Чеховтың «Чиновниктің өлімі», М. Әуезовтің «Қаралы сұлу», <...> туындыларын еске түсірейік» [17, с. 227]. («Рассказ – это исторически глубокий, ёмкий жанр, особенно развитый в мировой литературе. Многие авторы оказали особое влияние на его развитие. <...> Вспомним произведения А. Чехова «Смерть чиновника», М. Ауэзова «Красавица в трауре» - авт. перев.).

Итак, в рамках статьи приведены аргументы, которые свидетельствуют о том, что М.О. Ауэзов восхищался творчеством А.П. Чехова, видел в нем учителя и литературного наставника. В статье представлен материал, на основании которого можно с полной уверенностью утверждать, что в произведениях Ауэзова можно найти повествовательные стратегии и мотивы, которые были использованы писателем под влиянием чеховской прозы.

Список использованной литературы:

1. Ауэзов М.О. Светлая вершина русской литературы // Литературное наследство. – 1960. – № 68. – 2 с.
2. Сатпаева Ш. Веяние времени: Избранные статьи и исследования. Т- IV // Его имя дорого навеки – Алматы: Ғылым, 2000. – 408 с.
3. Джусупов Н. М. Тюркский символ в художественном тексте (лингвокогнитивный аспект) – Астана: Изд-во «Сарыарка», 2011. – 218 с.
4. Ауэзов М.О. Серый Лютый: Рассказ. [Для сред. школ. возраста]; Пер. с каз. А. Пантиелева. – Алма-Ата : Жалын, 1982. - 27 с.
5. Чехов А.П. Рассказы // Белолобый – Москва: Изд-во «Детская литература», – 1974. – 16 с.
6. Миронюк Л.Ф. Чехов глазами зооморфиста / Л.Ф.Миронюк // Языковое мастерство А.П. Чехова. - Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского ун-та, 1988. – 5 с.
7. Полное собрание сочинений: в 35 томах / Антон Чехов // Т. 1: Степь - Москва: Воскресенье. – 2008. – 483 с.
8. Божкова Г. Н., Шабалина И. Г., Шайхлисламова А.Г. Анималистические образы в современной детской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №5-1 (83). – 4 с.
9. Ауэзов М.О. Көксерек. – Алматы: Изд-во: Жеті Жарғы. – 1997. – 28 с.
10. Джандалиева Г.К. Роль и функции анималистических образов волков в произведениях казахской и русской литературы. ҚазККА Хабаршысы № 1 (86). – 2014. – 180 с.
11. Алтаева Г.А. Казахская анималистическая повесть 1960-70-х годов (генезис, образность, повествовательные формы): Дисс.канд.филол.наук. – Алматы, 2004. – 138 с.
12. Иманкулова Р.М. Поэтика анималистических заглавий в ранней прозе А. П. Чехова. Филология и человек № 3, 2016, 7 с.
13. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Морфология. Изд-во «Наука» Каз.ССР.- Алматы, 1966. – 449с.
14. Эпштейн М.Н. Мир животных и самосознание человека. [Текст]: / М.Н. Эпштейн. "Природа, мир, тайник вселенной..." Система пейзажных образов в русской поэзии. - М., Высшая школа, - 1990. – 304 с.
15. Андроников И.Л. Творчество Мухтара Ауэзова. URL: [Творчество Мухтара Ауэзова — Восточно-Казахстанская областная универсальная библиотека имени Абая \(semeylib.kz\)](http://semeylib.kz) (дата обращения: 13.02.2021).
16. Габбасова С.Х. Методика преподавания А.П. Чехова в казахской школе // Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. 2015. № 1 (6). – 126 с.
17. Нұрғали Р.Н. Сөз өнерінің эстетикасы: монография. I кітап // 3 том. – 2013. – 288 б.

Аннотация: В настоящей статье предпринята попытка в ходе компаративного анализа установить генетическую связь между творчеством А.П. Чехова и казахского писателя Мухтара Ауэзова на материале сопоставления рассказов «Белолобый», «Волк», «Степь» и повести «Көксерек» («Серый Лютый»), а также оценки М. Ауэзовым творчества А. Чехова в его статье «Светлая вершина русской литературы».

Ключевые слова: художественное влияние, рецепция, А.П. Чехов, М.О. Ауэзов.

THE ARTISTIC INFLUENCE OF A. CHEKHOV ON M. AUEZOV

Siryachenko V.V.

PhD student, 1st year of study

L.N. Gumilyov ENU, Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract: The article considers the reconstruction of the genetic links between works of Anton Chekhov and Kazakh author Mukhtar Auezov (based on analysis of the short stories “Whitebrow”, “Wolf”, and novels “The Steppe”, “Kokserek”) and M. Auezov’s assessment of Chekhov’s works in his article “The bright peak of Russian literature”.

Keywords: artistic influence, reception, A. Chekhov, M. Auezov.